

A promotional image for the Russian TV series 'Ice and Stars'. It features two men in 18th-century period costumes standing in a grand, wood-paneled room. The man on the left has grey powdered hair and wears a dark blue coat with gold buttons over a tan waistcoat and a white ruffled cravat. The man on the right has red hair and a beard, wearing a dark blue coat over a tan waistcoat and a white ruffled cravat. In the background, a large portrait of an older man is visible on the wall, and a lamp with a white shade is on the left.

Константин Погудин

Лёд и звёзды

Константин Погудин

Лёд и звёзды

«Автор»

2026

Погудин К.

Лёд и звёзды / К. Погудин — «Автор», 2026

Весной 1733 года Огюстен Мерсье и капитан Элеонор Блэквуд получают приглашение из Лондона. Сэр Реджинальд Торн, секретарь Совета Долготы, предлагает им двадцать тысяч фунтов за молчание. Они отказываются, и тогда Торн сообщает, что вычислил положение четвёртой станции: она лежит на северо-западе Гренландии. Он просит взять его с собой, потому что двадцать один год назад в этих водах пропал его брат. Дрейфующий лёд Девисова пролива, полярная ночь и цинга ждут тех, кто решился идти дальше семидесятой параллели. Проводником становится охотница Ууна, умеющая читать лёд и снег, как другие читают книги, а ключом к станции — два голоса, которые должны быть разными. Но вместе с союзниками на север пришёл и приказ Адмиралтейства, и когда дверь во льду откроется, лагерь расколется надвое. Новая книга цикла — о доверии, о людях, которые не похожи друг на друга, и о знании, которое нельзя запереть.

© Погудин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Приглашение из Лондона	5
Глава вторая. Копенгаген	9
Глава третья. Дрейфующий лёд	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Погудин

Лёд и звёзды

Глава первая. Приглашение из Лондона

Приглашение из Лондона

Письмо с большой красной печатью пришло в апреле тысяча семьсот тридцать третьего года, и Мерсье, не распечатав его, угадал, откуда оно.

Он узнал печать издалека. Воск был тёмно-красный, с оттиском скрещённых якорей под короной, и ничем иным, кроме Адмиралтейства, он быть не мог. Мерсье положил конверт на стол и поглядел на него так, как смотрят на давно ожидаемую, но всё же нежеланную гостью.

Четыре года прошло с того дня, когда они оставили остров в Тихом океане. Это были спокойные годы, насколько вообще могут быть спокойными годы, наполненные расчётами, письмами и ожиданием. «Таблицы трёх станций», изданные в Париже за счёт Королевского сада, разошлись за три месяца. Мерсье получил кафедру. Кремье и Вальдес, обосновавшиеся в соседних кабинетах, спорили о проекциях так азартно, что привратник по утрам стучал им в стену. Инес, которой исполнилось девятнадцать, сдала экзамен на штурмана и первой среди женщин получила патент в Королевской школе гидрографии, ко всеобщему недоумению и тайному восторгу профессоров. Финч командовал «Сент-Клэром». Бонвиль писал открытки из таких мест, о существовании которых Мерсье даже не слышал.

А Блэквуд жила в Гавре, в маленьком доме у порта, где по вечерам читала последние записи отца. Она почти не показывалась в Париже. Мерсье писал ей раз в неделю и получал короткие ответы: «Продолжаю. Продолжайте и вы».

Он сломал печать.

«Господину Огюстену Мерсье, хранителю кабинета естественной истории при Королевском саду. Милостивый государь! Имею честь пригласить Вас вместе с капитаном Элеонор Блэквуд в Лондон для частной консультации по вопросу, касающемуся государственных интересов. Все расходы Совет принимает на себя. Выезд желателен без промедления. Остаюсь с глубоким уважением, сэр Реджинальд Торн, секретарь Совета Долготы».

Мерсье перечитал письмо дважды. Потом позвал привратника и велел отправить в Гавр депешу, адресованную капитану Блэквуд: «Нас зовёт Лондон. Приезжайте».

Через пять дней они сидели в приёмной Адмиралтейства.

Это было высокое мрачное помещение с дубовыми панелями и огромным окном, выходившим на серую воду Темзы. Над камином висел портрет какого-то адмирала в парике. Пахло воском, чернилами и сыростью. Мерсье сидел на жёстком стуле и мял в руках шляпу, а Блэквуд, в тёмном дорожном платье, застёгнутом до горла, смотрела в окно с видом человека, который давно разучился чувствовать себя гостем.

— Я не была здесь семь лет, — сказала она тихо. — Тогда мне вручили помилование. Секретарь принёс его сам и ушёл, не сказав ни слова.

— А теперь?

— Теперь они хотят чего-то взамен.

Дверь открылась, и в комнату вошёл человек.

Он был высок, лет пятидесяти пяти, прям, с серыми висками и умным, спокойным лицом, на котором выделялись внимательные светло-карие глаза. Одет он был скромно, в тёмно-синий камзол без галунов, с единственным орденским знаком на груди. В руке он держал трость с серебряным набалдашником, хотя ни разу не опёрся на неё. Двигался он тихо, плавно, как человек, привыкший ходить по палубам и кабинетам одинаково аккуратно.

— Мистер Мерсье. Капитан Блэквуд. — Голос его был негромким, чуть хрипловатым, с мягким северным выговором. — Реджинальд Торн. Прошу простить, что заставил ждать.

Он пожал руку Мерсье, поклонился Блэквуд и жестом указал на кресла. Потом сам сел напротив, за стол, на котором лежала аккуратная стопка бумаг, и положил на неё ладонь.

— Я знал вашего отца, капитан, — сказал он без предисловий.

Блэквуд не шелохнулась. Только пальцы её, лежащие на коленях, сжались.

— Мы служили вместе на «Эдинбурге», — продолжал Торн. — В тысяча семьсот восьмом. Я был лейтенантом, он штурманом. Мы много говорили о звёздах. Он был лучшим человеком, которого я встречал. Когда он ушёл в ту экспедицию... — Он помолчал. — Я долго не мог поверить, что он не вернётся.

— Он вернулся, — тихо сказала Блэквуд. — Просто поздно.

— Я знаю. Мне передали. Примите мои соболезнования.

— Благодарю.

Торн кивнул. На мгновение мелькнула боль, тут же исчезающая под вежливым выражением.

Он перешёл к делу так же плавно, как делал всё остальное.

— Господа, я не стану тратить ваше время. Совет Долготы существует с тысяча семьсот четырнадцатого года. Парламент учредил его для решения одной задачи: определения долготы в море. Премия за решение составляет двадцать тысяч фунтов. Это очень много денег.

— Я слышал, — сказал Мерсье.

— Ваши таблицы, мистер Мерсье, дают такое решение. Не полностью, не безупречно, но в принципе. Совет изучил их. Мы убеждены, что это одна из самых значительных работ последнего столетия.

— Благодарю.

— Не за что. — Торн слегка наклонил голову. — Но у Совета есть предложение.

Он достал из стопки лист, на котором стояли печати и подписи.

— Адмиралтейство готово признать вас автором этого решения и выплатить премию целиком. Вам. Или вам и капитану Блэквуд. Вы решите сами. Условия таковы: все материалы, относящиеся к станциям, передаются под печать короны. Таблицы изымаются из публичной продажи. Будущие экспедиции организуются под командованием Адмиралтейства.

Блэквуд подняла голову.

— То есть вы покупаете замок и ключ.

— Я предлагаю ответственность. — Торн смотрел на неё спокойно. — Подумайте, что произойдёт, если такие знания окажутся в руках пиратов, контрабандистов, чужих флотов. Им нужен хозяин.

— Хозяином будет Англия, — сказал Мерсье.

— Англия пытается мыслить государственно. Я не прошу вас верить мне. Я прошу подумать.

Мерсье долго смотрел на лист. Двадцать тысяч фунтов: он считал в голове быстрее, чем хотелось бы. Это тридцать лет жалованья, дом, лаборатория, свобода от интендантов и министров. А ещё закрытый кабинет и тишина.

Он отодвинул бумагу.

— Нет.

— Подумайте, мистер Мерсье.

— Я подумал. — Мерсье поднял глаза. — Мы не торгуем знанием. Таблицы принадлежат тем, кто умеет ими пользоваться. Любой штурман, любой рыбак. Это условие, на котором мы получили эти тайны. Не мы его выдумали.

Торн молчал. На его лице не отразилось ни досады, ни гнева, только лёгкое, почти добродетельное сожаление.

— Я предполагал, — сказал он. — Отец вашей спутницы ответил бы так же.

Он поднялся, подошёл к окну и некоторое время смотрел на Темзу. Потом заговорил, не оборачиваясь:

— В таком случае позвольте сообщить вам нечто, чего вы, возможно, не ожидаете.

— Слушаю.

— Я знаю, где находится четвёртая станция.

Блэквуд вскочила.

— Откуда?

— Из ваших таблиц. — Торн обернулся. — Простая арифметика. Три точки известны: Карибское море, Индийский океан, Тихий. Они лежат на окружности через равные промежутки. Я попросил двух математиков Совета провести расчёт, и вчера они принесли результат. Одиннадцать станций, три найдены. Четвёртая приходится на северо-запад Гренландии.

Мерсье почувствовал, как у него холодеют ладони. Он думал об этом сам, много раз. Он не сказал никому, считая, что открытая публикация таблиц, даже без координат, не позволит сделать вывод.

Но он ошибся. Он забыл, что математики есть не только в Париже.

— Это не тайна, мистер Мерсье, — мягко сказал Торн. — Любой человек с карандашом и ясной головой дошёл бы до того же. Я лишь пришёл первым.

— У вас есть корабль?

— «Эндевор». Сорок орудий. Он будет готов в июне.

— И вы собираетесь идти туда без нас.

— Я предпочёл бы идти вместе. — Торн вернулся к столу. — Я человек, который верит в порядок, но я не враг вам, капитан. Я прошу об одном: пустите меня в вашу экспедицию. Не как командира, а как наблюдателя. Если в будущем решите опубликовать то, что найдёте, я не стану возражать. Но я должен быть там.

— Почему? — спросила Блэквуд.

Торн молчал. На его лице впервые мелькнуло что-то настоящее: усталость и ещё нечто, что Мерсье не сразу распознал.

— Потому что в двенадцатом году мой младший брат Эдвард ушёл в Девисов пролив на китобойном судне, — сказал он негромко. — Он был увлечён теми же идеями, что и ваш отец. Искал «дом под льдом». Они вышли весной и не вернулись.

Блэквуд опустила в кресло. Лицо её смягчилось, и Мерсье понял: она узнала в Торне то, что слишком хорошо знала сама.

— Двадцать один год, — продолжал Торн. — Я искал его в архивах, в портах, в рассказах моряков. Ничего. И вдруг ваши таблицы. Я не прошу вас простить мне государственные интересы. Я прошу дать мне шанс узнать, что с ним случилось.

Над Темзой пронеслась чайка, жалобно крикнув.

— Мы подумаем, — сказал Мерсье.

Они вышли на набережную в сумерках.

Дождь, накрапывавший весь день, прекратился. Над рекой стлался туман, и в нём тонули мачты кораблей, расплываясь в длинные чёрные тени. Блэквуд шла молча, засунув руки в рукава. Мерсье шагал рядом, считая шаги.

— Он говорит правду, — сказала она наконец.

— Про брата?

— Да. Я знаю, как выглядят люди, которые ищут. — Она помолчала. — Но он не скажет, что сделает, когда найдёт.

— Мы тоже не знаем.

— Нет. Но мы знаем, что хотим не запереть.

— А если его «Эндевор» придёт первым?

Блэквуд остановилась, повернулась к нему.

— Тогда нам нельзя опоздать.

Она достала из кармана сложенный лист: письмо от Финча, переданное в Лондон курьером. «Сент-Клэр» готов, писал он своим неровным почерком. «Груз принят. Инес обещала сама проверить каждую бочку. Выходим по вашему слову». Блэквуд долго смотрела на строчки.

— Копенгаген, — сказала она. — Потом Гренландия. Нужны проводники, нужны меха, нужны люди, которые знают лёд.

— Через месяц?

— Через три недели. — Она посмотрела на него. В свете фонаря лицо её казалось очень спокойным. — Я не потеряю ещё одного отца, Огюстен. Ни своего, ни чужого.

Мерсье кивнул. Он хотел что-то сказать, но не нашёл слов. Только протянул ей руку, и она, не колеблясь, взяла её.

Позади, в окне высокого здания над рекой, горел одинокий огонь. Торн стоял у стекла, глядя вслед им, и в руке у него была трость с серебряным набалдашником. Он не двигался, пока они не скрылись в тумане. Потом тихо, почти беззвучно, произнёс:

— Мы увидимся во льдах.

Глава вторая. Копенгаген

Копенгаген

В Копенгаген они вошли в середине мая, и первое, что Мерсье услышал на берегу, был звон: колокола, молотки корабельных плотников, цепи, скользящие по клюзам. Город жил верфями. Над гаванью стоял лес мачт, на набережной пахло смолой, сушёной треской и мокрым канатом, а над всем этим, высоко и бледно, висело северное небо, которое в мае не желало темнеть даже к полуночи.

«Сент-Клэр» встал у дальнего пирса Христиансхавна. Финч, поднявшийся на гакаборт с подозрительной трубой, насчитал в гавани девятнадцать китобойных и торговых судов, пять военных фрегатов и ни одного корабля с английским флагом.

— Торн ещё в Портсмуте, — сказал он. — Или греет «Эндевор» у камина.

— Он выйдет в июне, — ответила Блэквуд. — Мы выходим в конце мая. Две недели, Томас. Это всё, что у нас есть.

Она стояла рядом, в тёмном плаще, с картой побережья Гренландии, купленной в Лондоне за бешеные деньги и оказавшейся, как выяснил Мерсье по дороге, почти целиком выдуманной. На ней был нарисован ровный берег, поросший чем-то вроде леса, и подпись: «Земля Зелёная». Мерсье хмыкнул, когда увидел это, и спрятал карту в самый нижний ящик.

Первым делом нужно было разрешение.

Гренландия принадлежала датской короне, и вся торговля с ней находилась в ведении Королевского департамента, помещавшегося в узком жёлтом доме на Бредгаде. Мерсье и Блэк-

вуд явились туда на третий день, в начищенных башмаках и с рекомендательными письмами Королевского сада. Их приняли быстро и очень вежливо. Именно это, как заметила Блэквуд на лестнице, и было плохим признаком.

Чиновник оказался человеком лет сорока пяти, с пухлыми руками и водянистыми глазами. Звали его Йенс Скоу. Он выслушал их до конца, не перебивая, дважды поправил очки и сказал по-французски, старательно и немного смешно:

— Господа, вы просите разрешения на плавание к западному берегу Гренландии севернее колонии Готхоб. Вы не торговцы. Вы не китобои. Вы не миссионеры. Позвольте спросить: что вы там собираетесь делать?

— Наблюдать, — сказал Мерсье. — Измерять магнитное склонение, глубины, ход льдов. Записывать птиц и растения.

— Растения. — Скоу посмотрел на него с искренним сочувствием. — Господин Мерсье, севернее семидесяти градусов растут мох и лишайник. Рядом с ними живёт много белых медведей. Вы будете записывать медведей?

— Если они позволяют.

Скоу чуть улыбнулся. Он встал, подошёл к окну, и некоторое время слышно было только, как за стеклом перекликаются грузчики.

— Видите ли, — сказал он наконец, — в прошлом году наш пастор Эгgede просил прислать ему припасы. Колония в Готхобе живёт впроголодь. Корабли приходят поздно, лёд стоит до июля, а в этом году зима была тяжёлой. Мы не можем отправить к нему судно, потому что казна пуста. — Он обернулся. — Но если ваш корабль возьмёт груз для колонии, шестьдесят бочек муки, соль, порох, инструменты и сорок пудов семян, я получу основание выдать вам разрешение. Бесплатно. Груз ваш, доставка ваша.

— Вы предлагаете торговлю? — спросила Блэквуд.

— Я предлагаю соображение. — Скоу развёл руками. — Корона не любит иностранцев на своём берегу, но любит, когда иностранцы кормят её подданных. И ещё, мадам. На вашем месте я не стал бы идти на север без лоцмана. Датского.

— У вас есть кто-то на примете?

— Есть. — Он помедлил. — Но предупреждаю: человек он трудный.

Трудного человека звали Ларс Виге, и найти его оказалось несложно: он сидел в таверне «Три якоря» на Ньюавне, в самом тёмном углу, и пил пиво, не поднимая головы.

Это был широкий, кряжистый старик, лет шестидесяти, с лицом, похожим на кусок выветренной скалы, и белой бородой, подстриженной по-корабельному, одним взмахом ножа. На левой руке у него не хватало двух пальцев, безымянного и мизинца, а правый глаз был мутный, с белёсой плёнкой, и казалось, что он смотрит им не на собеседника, а сквозь него.

Мерсье остановился перед столом и поклонился.

— Господин Виге? Нам рекомендовали вас как лучшего знатока Девисова пролива.

— Кто рекомендовал?

— Господин Скоу из Департамента.

— Скоу. — Старик хмыкнул. — Этот сам в жизни не плавал дальше Зунда. Садитесь, раз пришли. Только не мешайте пить.

Они сели. Блэквуд заказала ещё пива. Виге долго молчал, потом спросил, не глядя на них:

— Что вам нужно?

— Дойти до северо-запада Гренландии. До семидесяти шести градусов, может быть, дальше. Зимовать.

— Зимовать.

— Да.

Вигу поднял голову. Здоровым глазом он оглядел Мерсье с головы до ног, как лошадь на ярмарке.

— Учёный, — сказал он. — Вижу. Штурман, — это Блэквуд, — вижу. Вы хоть понимаете, что там зимой?

— Ночь, — сказал Мерсье. — Четыре месяца без солнца. Холод до сорока градусов по Реомюру. Лёд.

— Это только слова. — Вигу поставил кружку. — Я ходил в те воды двадцать восемь лет. Первый раз мальчишкой, на «Христиане», в десятом году. Видел, как корабль раздавило льдом за семь минут: стоял он, потом хрустнуло, и нет. Видел, как люди сходили с ума от темноты. Видел, как умирают от цинги: сначала десны чернеют, потом ноги отказывают, потом человек просто тихо ложится и больше не встаёт. — Он помолчал. — Я не хожу севернее семидесятого градуса. Никто не ходит.

— Почему?

— Потому что оттуда не возвращаются.

Блэквуд наклонилась вперёд.

— Но кто-то ходил, — сказала она. — В двенадцатом году.

Вигу замер. Рука с кружкой застыла на полпути ко рту.

— Откуда вы знаете про двенадцатый?

— Я ничего не знаю. Я спрашиваю.

Старик поставил кружку. Он смотрел на неё долго, потом заговорил тихо, медленно, будто выкладывал слова на стол по одному.

— Была весна, — сказал он. — Из Лондона пришёл китобой «Провидение». Небольшой, на сорок человек. Капитан искал не китов. Искал что-то другое. Он зашёл в Копенгаген за лоцманом, и ему сказали обо мне. Я отказался. Я тогда уже знал, что такое север. — Вигу потёр лоб. — Они ушли без меня. С ними на борту был молодой англичанин, тихий такой, всё время с блокнотом. Учёный вроде вас. Он каждый вечер приходил ко мне и спрашивал про эскимосов. Про их дома, про то, как они ходят по льду. Я ему рассказывал. А он писал.

— Его звали Эдвард Торн, — сказал Мерсье.

— Не помню имени. — Вигу поднял глаза. — Помню, что перед отплытием он сказал мне: «Господин Вигу, я вернусь через год и расскажу вам, где живут люди, которые читают звёзды из льда». И засмеялся. А «Провидение» так и не вернулось.

Над таверной тянул дымок очага. С улицы доносился смех, звон монет, чей-то пьяный голос выводил песню без слов.

— Я не поведу вас, — сказал Вигу. — Не ради денег и не ради славы. Люди должны возвращаться. Это единственное, чему я научился на севере.

— А если мы вернёмся? — спросил Мерсье.

— Что?

— Если мы докажем вам, что можно дойти и вернуться. Если у нас будет то, чего не было у «Провидения».

— Что же это? — спросил старик, не скрывая насмешки.

Мерсье вынул из внутреннего кармана тонкую тетрадь в кожаной обложке и раскрыл её на столе. Это были «Таблицы трёх станций»: он носил с собой один экземпляр, как другие носят молитвенник.

— Способ определять место в любую погоду, — сказал он. — Даже когда нет ни солнца, ни луны. И способ знать, когда придёт прилив, откуда бы вы ни смотрели. В полярную ночь это важно.

Вигу взглянул на страницу. Тусклый глаз его не двигался, но здоровый скользил по строчкам, и Мерсье увидел, что старик читает цифры так, как читают письма.

— Это настоящее, — сказал он тихо.

— Да.

— Откуда вы это взяли?

— Нашли на островах, где нас никто не ждал. — Блэквуд положила ладонь на тетрадь. — Это стоило нам многих людей. Мы идём на север не за золотом. Мы идём за тем же, за чем ходил ваш англичанин. И мы вернёмся, господин Виго, потому что у нас есть то, ради чего возвращаются.

Старик долго молчал. Потом допил пиво до дна, вытер усы тыльной стороной ладони и сказал:

— Корабль покажете завтра. Если у вас плохой корабль, я уйду.

«Сент-Клэр» ему понравился. Это Мерсье понял по тому, как Виго обошёл палубу, молча постучал по обшивке, понюхал в трюме воздух и заглянул в каждую бочку. Потом потребовал уменьшить число мачтовых парусов, добавить толстую подшивку на форштевень, поставить в носу «ледовые брусья» и перебрать всю бегучую оснастку на новую пеньку, потому что «старая в мороз ломается, как стекло».

Финч слушал и записывал. Виго заметил это и крикнул.

— Ты кто?

— Томас Финч, капитан «Сент-Клэра».

— Капитан? — Старик приподнял бровь. — Сколько тебе лет?

— Двадцать один.

— Хм. На севере и такие бывают. Главное, чтобы не боялся слушать.

— Я слушаю, — сказал Финч просто.

Виго посмотрел на него долго, потом кивнул.

В последующие шесть дней они грузили. Груз для Готхоба занял половину трюма: бочки с мукой, ящики с солью, порох, ломы и кирки, железные печи, оконное стекло, которое Виго велел заворачивать в овечью шерсть и класть на самое дно. Для зимовки взяли шерстяное бельё, меха, моржовую кожу для обуви, тюлений жир для ламп, тонны сушёной трески, мешки с ячменём и кислую капусту в двадцати дубовых бочках.

— Капуста? — спросил Бонвиль, который прибыл из Парижа накануне и немедленно взял на себя весь провиант.

— От цинги, — ответил Виго. — Лучшее лекарство из всех, что я знаю. И ещё лук, и ещё лимонный сок, если найдёте.

— Лимонный сок я найду, — сказал Бонвиль. — Я найду вам лимонный сок даже в аду. Но кто будет есть эту капусту?

— Вы, — сказал Виго.

Бонвиль вздохнул с видом человека, получившего приговор, и пошёл составлять опись.

Инес появилась в Копенгагене на пятый день. Она приехала почтовой каретой из Гамбурга, загорелая, повзрослевшая, с кожаной сумкой через плечо и патентом штурмана, который показывала каждому встречному, пока Блэквуд не велела ей прекратить. Вальдес и де Мело добрались последними, на голландском баркасе, растрёпанные и восторженные, как дети. Вальдес привёз четыре ящика книг по магнетизму, де Мело — клетку с голубями и сундук с лекарствами.

— Голуби? — спросил Мерсье.

— Почтовые. Лучшие в Лиссабоне. Они долетят из любого места.

— Из Гренландии?

— Из Гренландии, из Лапландии, из ада. — Де Мело был серьёзен. — Я проверил.

Амара пришла в порт последней, на закате. На плече у неё был небольшой свёрток из тонкой пальмовой ткани. Она не говорила много, но Мерсье знал, что в свёртке лежит та самая

карта волн, что оставил им Тавита на острове в Тихом океане, и что она не расстанется с нею ни днём ни ночью.

— Лёд — это тоже вода, — сказала она, когда они остались вдвоём на палубе. — Тавита говорил, что у всякой воды есть своя песня, даже у той, что стоит.

— Вы хотите услышать, как поёт лёд?

— Хочу. — Она улыбнулась. — Немножко страшно.

— Мне тоже, — признался Мерсье.

Вечером накануне отплытия Блэквуд пригласила всех в каюту.

На столе лежала карта. Не та, выдуманная, с лесами, а другая, которую Мерсье весь вечер рисовал по памяти и по записям Виго. Береговая линия Гренландии, неровная, зубчатая, с белыми пятнами фьордов. Западный берег, вдоль которого шло холодное течение. И точка на семьдесят шестом градусе северной широты.

— Вот здесь, — сказал Мерсье. — Согласно расчётам. Четвёртая станция.

— Лёд, — сказал Виго. Он сидел в углу, привалившись к переборке. — Я знаю этот берег. Там фьорд, огромный, десять миль в длину, и в нём стоит ледник. Туда не заходят даже эскимосы. Говорят, что там живут духи.

— Духи? — переспросил Вальдес.

— Так говорят. — Виго пожал плечами. — Я не верю в духов. Но я верю в лёд, а лёд там страшный. Он ломается без предупреждения. Идёшь по ровному, и вдруг тебя нет.

— Сколько нам идти? — спросила Блэквуд.

— Если ветер будет добрым, шесть недель до Готхоба, потом ещё три. Мы придём в середине августа. До первых льдов останется месяц, не больше. Зимовать придётся там, где встанем. Если не успеем в бухту, нас сожмёт в море.

— А если успеем?

— Тогда проживём до весны. — Он чуть помедлил. — Может быть.

Мерсье посмотрел на лица вокруг стола. Усталые, спокойные, загорелые, как будто вырезанные из дерева. Финч, ставший капитаном. Инес, штурман с патентом. Амара с картой на коленях. Бонвиль, вздыхающий над капустой. Вальдес, де Мело, Блэквуд. И старик, который не верил в духов.

— Господа, — сказал он, — я хочу сказать одно. Мы идём туда, где никто не ждёт нас. Торн следует за нами, потому что тоже ищет. Он вежлив, и я не думаю, что он враг. Но он не один. За ним стоит корона, а корона любит порядок. Нам нужно найти станцию первыми. Не для славы. Для того, чтобы выбрать, что с нею делать.

— Мы уже выбрали, — сказала Блэквуд.

— Да. Но я хочу, чтобы каждый из вас помнил об этом, когда наступит ночь.

Тишина стояла долго. Потом Виго поднялся, тяжело, как человек, у которого болят все кости, и сказал:

— Рано утром отплываем. Спите. Потом долго не придётся.

Он вышел. Через минуту Мерсье услышал на палубе его тяжёлые шаги: старик ходил от борта к борту, трогал снасти, проверял узлы и что-то бормотал на датском. Это было похоже на молитву. Или на счёт.

А над Копенгагеном, над мачтами, шпилями и красными крышами, небо по-прежнему не темнело: северное, бледное, прозрачное, оно ждало их там, дальше, где ночь длилась четыре месяца.

Глава третья. Дрейфующий лёд

Дрейфующий лёд

Готхоб встретил их двадцатого июля колокольным звоном.

Звонил пастор Ханс Эгед, и звонил так яростно, словно хотел разбудить весь фьорд. На берегу, у десятка низких домиков, сложенных из камня и дёрна, собралась вся колония: сорок человек, исхудавших, в заплатанной одежде, с лицами людей, которые слишком долго смотрели на пустое море. Когда с «Сент-Клэра» спустили первую бочку муки и катили её по гальке, женщины плакали, а мужчины молча стояли рядом и трогали бочку рукой, будто проверяли, не мираж ли.

Эгед оказался сутулым седым человеком с горячими глазами. Он пожал руку Мерсье обеими ладонями и долго не отпускал.

— Вы не знаете, что вы сделали, — сказал он по-французски, с трудом подбирая слова. — Зимой мы ели ремни. Не в переносном смысле. Ремни.

— Мы только привезли то, что нам поручили, — ответил Мерсье.

— Нет. Вы привезли то, что мы не надеялись увидеть. — Пастор помолчал. — Говорят, вы идёте на север.

— Да.

— Зачем?

Мерсье не ответил сразу. Эгед посмотрел на него, потом на Блэквуд, стоявшую у борта, потом на старого Виго, который рассматривал небо над горами, и негромко сказал:

— Я не спрашиваю, что вы ищете. Я прожил здесь двенадцать лет и усвоил одно: на этом берегу у каждого своя причина, и они редко совпадают. Скажу только то, что знаю. Дальше семидесятой параллели лёд идёт с севера всё лето. Он движется по кругу, против солнца. Если его застанет шторм, он сомкнется, и ничто его не удержит.

— Мы знаем, — сказал Виго.

— Тогда вы знаете всё, — кивнул Эгед. — Да поможет вам Бог.

Они простояли в Готхобе четверо суток. За это время Бонвиль обменял часть ячменя на вяленое мясо оленя, Вальдес выставил на берегу магнитные приборы и записал склонение, а де Мело вылечил двух детей от горловой болезни и получил в награду мешок сушёных ягод, которые, как выяснилось позже, оказались лучшей защитой от цинги, чем вся капуста Бонвиля. Двадцать четвёртого июля «Сент-Клэр» вышел из фьорда и лёг на курс к северу.

Первую льдину они увидели на седьмые сутки.

Она шла по левому борту: белая, неровная, с голубой кромкой у воды, размером с хороший дом. Финч, стоявший у штурвала, посмотрел на неё в трубу и сказал только:

— Началось.

К вечеру льдин было уже много. Они плыли по одной и группами, поворачиваясь на волне, и от каждой веял холод, ощутимый на палубе даже при полном безветрии. Вода между ними была чёрной, густой, как смола. Когда корабль проходил мимо, льдины тихо стукали о борт, и звук был странный, глухой, будто кто-то стучал изнутри.

— Это ещё ничего, — сказал Виго, поднимаясь из каюты. Он провёл там всю предыдущую вахту, и вид у него был недовольный. — Это сало. Настоящий лёд начнётся через день.

Он ошибся не на день, а на двенадцать часов. На рассвете восьмых суток горизонт перед ними стал белым.

Не серым, как бывает у тумана, и не светлым, как у зари, а белым, ровным и ярким, словно кто-то натянул над морем полотно. Виго вышел на бак, постоял, глядя вперёд, потом поднёс ладонь ко лбу.

— Ледовое сияние, — сказал он. — «Блинк». Облака отражают лёд, который лежит под ними. Вон там, на севере, сплошное поле. А вот там, смотрите, — он указал левее, — небо тёмное, почти чёрное. Это вода. Вода под небом. Если держаться тёмного неба, найдёшь проход.

— А если ошибёшься? — спросил Финч.

— Тогда будет тяжело.

Финч кивнул. Ему было двадцать один год, он командовал кораблём всего второй рейс, и Мерсье, наблюдавший за ним с юта, видел, как у юноши побелели костяшки пальцев на штурвале. Но голос его, когда он повернулся к команде, звучал спокойно:

— Убрать верхние паруса. Идём под марселями. Вперёд смотрящего на бушприт. Лот через каждые десять минут.

— Лот? — удивился боцман, новый, нанятый в Копенгагене. — Зачем лот во льдах?

— Затем, что течение здесь не такое, как кажется, — ответил Финч. — Исполняйте.

День был длинным.

«Сент-Клэр» шёл, как идёт слепой по комнате с мебелью: осторожно, касаясь, отступая. Дважды они упирались в сплошную белую стену и разворачивались вдоль неё в поисках разрыва. Один раз корабль задел скулой плоскую льдину, и весь корпус содрогнулся, а из трюма раздался глухой стук бочек. Виго сразу же побежал вниз с фонарём, вернулся через десять минут и сказал одно слово: «Цело».

К вечеру ветер стих совсем. Паруса повисли, корабль встал в окружении льда, и льдины, плывшие по течению, начали медленно, почти незаметно смыкаться вокруг. Это Мерсье заме-

тил по тени на воде: сначала между корпусом и ближайшей кромкой было метров тридцать, потом двадцать, потом пятнадцать.

— Сдавливает, — сказал Виго.

— Что делать? — спросила Блэквуд.

— Ничего. — Лоцман сплюнул за борт. — Ждать ветра. Или молиться.

Но Блэквуд не умела ждать. Она подозвала Инес, и та принесла квадрант. Они вдвоём измерили высоту солнца, которое в эту пору почти не садилось, и Инес, делая расчёт на борту, поймала себя на том, что считает вслух, быстро, не стесняясь, как привыкла считать в классе королевской школы.

— Мы дрейфуем на юго-запад, — объявила она через четверть часа. — Со скоростью около полумили в час. Течение несёт нас вместе со льдом.

— Значит, мы возвращаемся? — тихо спросил Бонвиль.

— Не возвращаемся. Нас несёт вдоль кромки. — Инес прикусила губу. — Но если дрейф продолжится, к утру мы окажемся у южной границы поля, откуда пришли.

Финч, стоявший рядом, молчал. Потом сказал:

— Нужно найти канал. Не проход между льдинами. Настоящий канал, трещину во льду, куда можно войти и пройти вперёд.

— Тут нет каналов, — сказал Виго.

— Есть, — сказала Амара.

Все повернулись к ней.

Она стояла у борта, босая, как всегда, хотя на палубе было холодно, и держала ладонь над водой. Не касаясь её. Просто держала, на расстоянии пальца от поверхности, и глаза её были полуприкрыты.

— Слышите? — спросила она.

— Что? — Мерсье прислушался. Тишина, плеск, скрип снастей.

— Волна. Очень слабая, длинная. Она идёт оттуда, — Амара показала правее, на северо-восток. — Не от льда. Из-под льда. Если бы там было сплошное поле, волна гасла бы. А она идёт. Значит, за ним открытая вода.

— За каким льдом? — спросил Виго недоверчиво.

— За тем, что впереди. Он тонкий. Или в нём щель.

Старый лоцман посмотрел на неё долгим взглядом. Здоровый глаз его сощурился. Потом он тяжело вздохнул.

— Девочка, я двадцать восемь лет хожу этими водами. Ничего подобного я не слышал.

— Я не говорю, что вы не правы, — спокойно сказала Амара. — Я говорю, что могу слышать то, что вы, возможно, никогда не учились слушать.

— Могу проверить, — вдруг сказал Мерсье.

Он спустился в каюту, достал таблицы Тавиты и карту волн, которую Амара привезла с островов, и вернулся с ними на палубу. Развернул на бочке. Это была сеть тонких линий, соединённых в узлы, с мелкими значками на каждом. В ней были записаны длины и направления океанских зыбей, их связь с берегами, островами и дном.

— Если зыбь идёт из-под льда, — сказал он, — то по её периоду мы можем определить, как далеко открытая вода. Дайте мне полчаса.

Он считал двадцать минут. Потом поднял голову.

— Двенадцать миль, — сказал он. — Примерно. На северо-восток. Волна идёт оттуда с периодом в девять секунд. Такая бывает только на открытом море.

— Двенадцать миль через лёд, — сказал Виго. — Без ветра. Во время дрейфа.

— Да.

— Невозможно.

— Возможно, если найти трещину, — сказал Финч.

Решали все вместе, но говорить начал Финч.

Он поднялся на ют, оглядел собравшихся и сказал, что у него два предложения. Первое: ждать ветра, как советует мастер Виго. Второе: идти шлюпками и людьми, на верпах, искать канал. Он выбирает второе.

— Это очень рискованно, — сказал Виго. Он говорил без злости, ровно. — Лёд может сомкнуться, пока шлюпки в нём. Тогда вы потеряете и людей, и шлюпки.

— Знаю.

— И всё же идёте?

— Идём. — Финч посмотрел на него. — Мастер Виго, вы сказали, что на севере главное — не бояться слушать. Я слушаю. Вас, Амару, господина Мерсье. И я решаю. Если мы сидим и ждём, мы теряем время. А времени у нас до конца августа.

Виго молчал. Потом хмыкнул и, к общему удивлению, улыбнулся.

— В двенадцатом году я тоже был таким, — сказал он. — Упрямым. — Он кивнул. — Ладно. Я пойду с вами. Берите три шлюпки и четыре пары верпов. И канаты. Много канатов.

Они спустили шлюпки в десять вечера. Солнце стояло низко, окрашивая лёд в розовый цвет, и казалось, что весь мир сделан из сахара. Виго шёл в первой шлюпке, Амара во второй, Инес в третьей. Блэквуд осталась на борту, как капитан, но не командующий. Она стояла у фальшборта и смотрела им вслед, и Мерсье, оставшийся рядом, видел, как она сжимает поручень.

— Он справится, — сказала она, не оборачиваясь.

— Я знаю, — ответил Мерсье.

— Я хочу сказать другое. Я никогда не отдавала командование. Ни разу за двадцать лет. — Она слегка улыбнулась. — Оказалось, это легче, чем я думала.

Работа заняла семь часов.

Три шлюпки шли впереди корабля, вытягивая верпы, то есть лёгкие якоря на длинных канатах, которые закидывали на дальние льдины и затем подтягивали корабль к ним, метр за метром. Было холодно, руки у гребцов стыли, дыхание вырывалось облаками. Виго пел, негромко, на датском, какую-то протяжную, монотонную песню, и под неё слаженнее ходили вёсла.

Амара сидела на носу второй шлюпки и слушала лёд. Время от времени она подавала знак рукой: левее, правее, чуть назад. Финч, стоявший на корме первой шлюпки, повторял команды. Они обходили полыньи, проскакивали между сжимающимися льдинами, дважды вытаскивали шлюпки на лёд и тащили их волоком. К четырём утра они прошли шесть миль.

На седьмой миле Амара вдруг подняла руку.

— Стоп.

Все замерли. Тихо. Только лёд поскрипывал, да где-то далеко кричала птица.

— Что? — прошептал Финч.

— Трещина. Сейчас. Слышите?

Мерсье, стоявший на палубе «Сент-Клэра» в трёх милях позади, не слышал ничего. Но в бинокль, который ему передал Вальдес, он видел, как далеко впереди, у самого горизонта, в сплошной белизне вдруг появилась тонкая тёмная линия. Она росла. Лёд раскалывался.

— Господи, — прошептал Вальдес.

Линия превратилась в полосу, потом в канал шириной с реку. Вода в нём была чёрной и неподвижной. А с обеих сторон высились ледяные стены, вздыбленные, голубые.

— Назад! — закричал Финч. — Шлюпки к судну! Живо!

Шлюпки развернулись. Вёсла ударили по воде с такой яростью, что через минуту первая уже шла обратно, оставляя за собой пенный след. Канал за их спиной расширялся с глухим треском, и никто не знал, надолго ли.

Они вернулись к полудню, измученные, обмороженные, но живые. Матросы подхватили их на борт. Финч, поднявшись на палубу, едва держался на ногах. Он посмотрел на Блэквуд и сказал сорванным голосом:

— Канал. Три мили от нас. Направление северо-северо-восток. Открыт. Идти надо сейчас.

— Поднимайте якоря, — ответила Блэквуд. — Капитан «Сент-Клэра», командуйте.

Финч выпрямился. Лицо у него было серым от усталости, но глаза горели.

— Поднять верпы! — закричал он. — Все паруса!

Ветер, словно ожидавший приказа, потянул с юга. Паруса наполнились. «Сент-Клэр» вздрогнул, отошёл от льдины, у которой простоял всю ночь, и медленно двинулся вперёд, по узкому чёрному каналу, между стенами голубого льда.

Мерсье стоял на баке и смотрел, как с обеих сторон проплывают громады. Лёд светился изнутри. Он был прозрачным, как стекло, и на глубине в нём виднелись пузырьки воздуха, замёрзшие столетия назад. Казалось, что корабль идёт по коридору в огромном, давно оставленном дворце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.